

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ОПАСНЫЙ ПРИВАЛ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Художник Алексей Дурасов

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25   **Опасный привал / Валерий Шарапов. — Москва :**
Эксмо, 2026. — 320 с. — (Короли городских окраин.
Послевоенный криминальный роман).

ISBN 978-5-04-225925-8

Колька Пожарский с друзьями отправляется в поход по берегу реки. Очередной привал они делают в районе гидроузла у небольшого поселка. Выясняется, что это стратегический объект, ребят просят уйти. Однако, не успев собраться, компания становится свидетелем странных происшествий. Практически на их глазах погибает местный учитель, чуть позже становится известно об убийстве участкового. Самого Кольку кто-то бьет по голове и сталкивает в яму. Вдобавок друзья замечают, что какой-то негодяй незаметно подмывает одну из опор дамбы. А это уже похоже на диверсию... Ребята решают разобратся, что происходит, не понимая, с каким опасным противником они вступают в поединок...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225925-8

© Шарапов В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Механик-водитель танка, не отрываясь от перископа, сипел:

— Адский мороз. Кто-нибудь, подышите, мои глаза примерзли. Ни черта не вижу. Метель.

— Мрак и туман, — пробормотал командир, открыл люк, вылез на верх танка, предварительно приказав замолчать.

— Молчу, — отрапортовал механик-водитель и тотчас замычал на мотив популярной сопливой песенки: — Молча ждать — кисло. Молча ждать — грустно... — И толкнул ногой радиста: — Инженер! Как, ты говоришь, называется это, что впереди?

Радист, фон Вельс — Александр Серж, по сути и образованию — инженер, ответил:

— Русские называют это гидроузлом. А конкретно это — водосброс.

Механик, баварец, попробовал выговорить:

— Опять этот ваш водо-...водосброс-... лина! — И сплюнул: — Водозбрызг!

Фон Вельс произнес по слогам, чисто, как на семинаре в Альбертине:

— Во-до-сброс, Кулемский гидроузел, — и продолжил по-русски: — Гидротехнические сооружения — в частности шлюзы, плотины, водосбросы — требуют особого контроля, с тем чтобы избежать подтопления, разрушения объектов и обеспечить безопасное шлюзование по всему маршруту...

Механик, забыв о том, что «примерз», дернулся, глянул с ужасом и недоверием. Впрочем, мужественно попытался повторить:

— Шу... шу-за-ва-ни... шль-ю-цовани! Химмельхеррготт. — Он щелкнул толстыми пальцами, снова толкнул: — Пруссачок, пива.

— Зачем? — спросил Александр.

— Рот прополоскать, от этих звуков. — Поразмыслив, решительно поправился: — Нет, водки! Русской. У тебя есть?

— Нет.

Командир сверху скомандовал:

— Отставить. Ждать сигнала.

Механик, оставив битву с русской фонетикой, переключился на критику немецкого командования:

— Сигнала, сигнала! Околеем тут до сигнала. Сейчас масло замерзнет — и встанем тут, как... Инженер, как это? Снежная могила?

Фон Вельс поправил по-русски:

— Су-гроб.

— Я и говорю. Зугроб. Снежная могила!

«Да сколько можно ждать этого сигнала? Еще немного без движения, под снегопадом и метелью — и будет в точности по его пророчеству».

Сзади остался этот чертов городишко с глупым названием. Куо-ли-маа. Лихо влетели в него, без боя, пронесли по пустым улицам, да и какие это улицы — сплошные горы и овраги. И тотчас, без перехода, ухнули в низину. И на этом болоте встали, ожидая невесть какого сигнала. Зачем он? Ведь вот он, канал, а за ним почти тотчас, без перехода, нависает господствующая высота. Надо наступать, ведь где-то в тумане — говорят — таится какой-то русский бронепоезд, уже спешат на подмогу свирепые сибирские головорезы, которые не вязнут в снегу и питаются сырым мясом.

А ведь до Москвы — сорок пять километров, камнем добросить можно. «К Рождеству будем там, отогреемся. Как это по-русски: на печи, на полатах. Чтобы было тепло, как под маминой пуховой шалью». Нет! Как у камина в отчем замке в Канальхофе, Восточной Пруссии, — пусть не замок, а охотничий домик, зато уютный, пахнувший пихтой, с окнами на недостроенные шлюзы Мазурского канала. Александр с отцом приходили туда с чертежами, фон Вельс-старший строил воздушные замки, куда грандиознее родового: «Мы пустим воду! Она даст новую жизнь нашей земле!» Остались нетронутыми бетонные громадины, поросшие мхом и сорняком, немой укор мирным планам и мечтам. А работа фон Вельса — давать людям воду, жизнь. Но на войне больше нужны солдаты, чем гидротехники.

«Черт. Стоим. Пусто. Метель, дальше руки ничего не видно. Танк коченеет на морозе, люди коченеют в танке, стынет и масло, и кровь. Вот-вот — и точно зугроб. Отставить». Александр встряхнулся. Он уже размышлял, не ужаснуть ли мехвода фразой «Кругом выюжные заносы сугробов», но сверху прозвучала наконец команда:

— Марш, марш!

— Ага, ща поехали, — отозвался механик вместо уставного «есть».

Танк с трудом и облегчением тронулся, лязгая подмерзшими траками, помчался по низине, снежной, гладкой, как простыня, — вперед, вперед! Пусть звенят поджилки от мороза, но танк, лихая консервная банка, несется, екая мотором как лошадь селезенкой и поднимая фонтаны грязного снега, то по обледеневшему болоту, то по заливым лугам. Видны сквозь метель какие-то бараки, вышки, постройки — вроде бы какой-то их концлагерь, что обстреливали вчера.

Впереди, где поднималась дамба и виднелся убогий варварский шлюз, треснуло. Странно тихими показались эти взрывы — один, второй, третий. Как если бы кто-то, свихнувшись, вздумал глушить рыбу в декабре.

Разве это может остановить танковую лавину? Но метель распахнулась как занавес — и все увидели: медленно, горбами накатывается навстречу, вздымается вода. Текла, лилась черная вода при минус тридцати, месиво из льда, грязи, обломков

деревянных строений. Сначала казалось, что она надвигается еле-еле и сейчас иссякнет, даже не дойдя до них. Но она хлынула в низину, внезапно мощно ударила в борт машины. Танк развернуло как игрушечный, ледяное месиво хлестнуло по смотровым щелям. Ослепший мехвод сквернословил, плюясь, командир орал: «Назад! назад!», скрежетала коробка. Танк пытался дать задний ход, но гусеницы буксовали на нарастающей ледяной каше. Заливало машину — и вода с облегчением тотчас останавливалась и замирала.

Вот как чувствует себя белье в стиральной машине. Александр как дурак закрывался руками, боясь хлебнуть ледяной воды (или простыть?!), и... обязательно утонуть прямо... прямо в танке. Но его дернули за шкурку — не вверх, а в преисподнюю. Это механик, добрая душа, волок его через свой аварийный люк в днище.

Они выскочили на поверхность из ледяной воды, отплевывались, и слюна тотчас стыла, раздирая губы. По всему полю барахтались в гибельной жиже танки, из них выскакивали люди, корчась как горящие, мокрая одежда немедленно примерзала к броне, они рвались вперед и падали. Насколько можно было видеть сквозь метель — вмерзшие в землю танки, причудливые, торчащие где как. Кое-где, умирая, бесполезно взрывали двигатели — вой стоял на Кулемских болотах.

— Бежим, бежим, — мычал механик.

— К-куда? — У Александра коченели мышцы челюсти, гортань, но упрямый баварец то ли стоял, то ли сипел и тянул его за собой, и они-таки выбрались из залитой водой низины. Невольно обернулись и чуть не превратились в столпы: комбинезоны замерзали, сковывая движения.

Тут снова закружила метель, и вдруг стало ясно, что городок-то не пустой. Грязная волна шла на дома, из них выскакивали люди, все копошилось как муравейник. Александр видел, как какая-то баба поднимает над головой вопящего ребенка, потом волна накрыла обоих, схлынула — и никого не осталось. Из затопленных сараев выплывали куры, болтались и вмерзали в воду. Выла, захлебываясь, собака — наверное, на цепи, не могла освободиться.

— Потоп, — просипел Александр, — все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло, от человека до скота, и птиц*...

Механик вдруг захохотал, хрипло, будто каркая:

— И гады, инженер! Мы гады, мы выжившие лягушки! — Он тыкал пальцем туда, где среди льда корчились их товарищи, пока лед не сковывал их окончательно.

Почему-то наступила тишина, лишь издали доносился грохот боя, и за плотной завесой метели снова не было видно ни зги. Последняя истерика истощила механика, он прошел совсем немного,

---

* Изречение из Библии.

на прямых ногах, и так же, не сгибая колен, прямо, как бревно, рухнул в ноздреватый снег.

Александр, скрежеща комбинезоном, упал на колени, пытался его растормошить, поднять, вложить, но понял, что это бесполезно. Дальше он бежал уже один. Ну как бежал — ему казалось, что бежал, на самом деле еле переставлял ноги, сдирая кожу о заледеневшие штанины. А в голове металось комичное: «Да это просто Кранц!»* В июне. Сейчас бы коньяку и под плед...» Мысли путались, ресницы слипались, он брел вслепую, и тут прямо из снега выросли двое. Они копошились с какими-то проводами у насыпи, протягивали, переругиваясь, чиркали спичками. Такие толстые, белые, одетые... «Как это называется? Ту-луп. По-лу-шубок. ШУБА».

Тепло!!! Добыть, любой ценой добыть! Терзать зубами, душить руками, сдирать одежду вместе со шкурой!

Он бросился на них — то есть потащился, сгибаясь по режущим ветром. Может, услышав звон льда, которым он оброс, русские обернулись, показали свои свиные хари, красные, распаренные — утрудились, вспотели! Один небрежно поднял автомат, Александр понял, что сейчас все кончится и не видать ему тулупа. С трудом задрал руки, он ревел и пер на них, рискуя нарваться на верную очередь, — но

---

* Кранц — курорт на Балтийском море, известный изменчивой погодой.

вдруг невесть откуда грянул выстрел, затем второй. Русский упал, упал и второй, и по спинам, по маск-халатам начали расплываться алые пятна.

Уже на четвереньках фон Вельс ринулся к ним, набросился, снимая тулуп с одного, одновременно выворачиваясь, выползая из собственного ледяного комбинезона-гроба, влезая в чужую теплую одежду.

Мертвецы остались на снегу, а Александр, стуча зубами, переоделся — и лишь потом понял, что палят уже по нему, что вокруг на снегу места живого не осталось, всё взлетали фонтаны снега — а ему хоть бы хны. Он, блаженно отходя в тепле, ощущал себя на небесах, где ни болезни, ни печали. Но автомат у одного мертвеца все-таки забрал, прикинул, откуда стрельба, — и шутя, не глядя, благодушно даже выпустил очередь.

Кто бы спросил его: зачем? Ведь наверняка это свой, раз лупил по русским. Да кто знает. Он просто стрелял в ответ, не целясь, наугад. И попал. Послышались стоны и хныканье, точно был подстреленный заяц. Александр заглянул за снежный навал — там корчился мордой вниз какой-то тощий человек, плакал, выл, кусал снег, оставляя кровавые следы. И ругался... по-русски?!

«Русский? Стрелял по своим?!»

И был он не один. За него цеплялась, тонко скулила какая-то укутанная баба, скорее девчонка, платок сбился, торчали смерзшиеся кудряшки, на руках — сверток. Вокруг раненого и бабы, спаяв-

шись как комья в снежной крепости, торчали еще несколько сопляков — не поймешь, мальчишки ли, девчонки, — все в одинаковых разбухших тулупах, в мокрых застывших валенках. Тоже попали в воду, теперь замерзают, иные уже окоченели. Александр сгоряча крикнул:

— Вы кто?

Один из «снежков», мальчишка, глянул на него запорошенными снегом глазами, с видимым и огромным усилием поднялся, выпрямился, даже вытянулся во фрунт. И его хриплый шепот прозвучал как голос пастора за стеной в исповедальне, только в нем были и лед, и смертельная усталость:

— Не стреляйте, мой господин. Побойтесь Бога. Мы сами замерзнем.

И фон Вельс не сразу понял, что мальчишка тоже говорит по-немецки. Чисто, старомодно, с библейской правильностью. Он немец, этот мальчик?

С чего-то вдруг — наверное, от тепла, — его разобрала злость: он разорался, тотчас вспомнил все матерные слова, врезался в этот комок из полусдохших, смерзшихся тел, стал тормошить, заставляя шевелиться. И некоторые даже встали, и пытались поднимать других. Лишь курчавая отпихивалась, мыча:

— Фашист... убийца, — и не отдавала из рук сверток.

Оттуда, из глубины грязного мокрого тряпья, чуть слышно постанывали.

Александр оставил ее в покое, поднял какого-то мелкого, белого и уже твердого человечка, прижимая к себе. И они пошли невесть куда, и шли целую вечность, пока из-за метели не вывалились огромные, как белые медведи, фигуры, и была их тьма-тьмушая. Видать, дошли те самые, сибирские. Люто ругаясь, они скидывали с себя тулупы, закутывали в них детей, некоторые оживали, другие умирали. Один мужик, здоровый, лицо ярко-красное, глаза-щелки, похлопал по плечу:

— Оставь, браток.

Александр понял, о чем он говорит, но ребенка из рук не выпустил. Здоровый снова сказал:

— Амба ему.

Фон Вельс машинально переспросил:

— Was ist «amba»? — Но, по счастью, то ли ветер дул в другую сторону, то ли язык окаменел, сибиряк расслышал только последнее слово и подтвердил:

— Амба. Держись, папаша. Или кто ты им? — и, забрав тельце, протянул Александру флягу. — На вот, глотни.

Осовевший от водки и страха Вельс видел, что не достреленный им человек ожил, да еще как. Его перевязывали, а он бился в бабской истерике и орал:

— Свои! Своих же! Детей!

Наконец тот же краснорожий добряк ухватил его за глотку, насильно влил из фляжки и заставил проглотить. Тот хлебнул, но все выл невнятно:

ОПАСНЫЙ ПРИВАЛ

— Воды, всем воды, все хлебнут!

Кто-то пожалел:

— Бедолага-то, господи. Во накатило-то.

Кучерявая льнула к идиоту. Всех троих — раненого, девчонку и ребенка на ее руках — укрыли одним тулупом. И все-таки Александр видел, как сумасшедший тарашится, глядя в упор, глаза черные, одновременно жалобные и злые, как у подстреленной дворняги. И баба его смотрела так же, только глазки из-за щек у нее были еле видны.

Александр, чуть оскалившись, погрозил обоим пальцем. Ему-то что? Он не стрелял по своим. Он вообще ни в кого не хотел стрелять.

Тут что-то ткнулось под бок. Фон Вельс глянул — это был тот самый мальчишка, который говорил с ним по-немецки. Видно, что отогрелся, пришел в себя, переодели его в сухое — он и порозовел. Глаза светлые, острые, умные, смотрит исподлобья, рыжеватые брови домиком соорстил. Кривит губы, вот-вот закричит: «Враг, хватайте!»

Мальчишка ничего не сказал. Александр распахнул чужой тулуп, прижал к себе чужого ребенка, принялись греться.